

Blondie

Блонди (нем. Blondi, 1941 - 30 апреля 1945, Берлин, Третий рейх) - немецкая овчарка, принадлежавшая Адольфу Гитлеру. Она была подарена фюреру Мартином Борманом в 1941 году и оставалась с Гитлером, даже когда тот переместился в бункер под Рейхсканцелярией в апреле 1945 года. В бункере Блонди принесла приплод из пяти щенков от немецкой овчарки Харасс, принадлежавшей вдове архитектора Пауля Трооса. Гитлер назвал одного из щенков Вольф ("Волк") в свою честь ("благородный волк" - значение имени Адольф). Перед тем, как покончить с собой фюрер приказал своему лечащему врачу Людвигу Штумпфеггеру умертвить Блонди, дав ей таблетки цианида. Когда в бункер вошли представители советских войск, они обнаружили трупы Блонди и Вольфа, судьба остальных четырех щенков осталась неизвестной.

Gott schütze die Wikipedia/Боже, храни Википедию!

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Селма.
Хенрике.
Эрма.
Илса.
Людвиг Штумпфеггер.

Сцена 1.

Тетрадь.

ЛЮДВИГ. Сегодня я понял удивительную вещь. Согласиться с этим пока не могу, но понял... уверен, что позже я соглашусь с этим... Так вот... Так вот, ожидание страшнее физической боли... Ожидание страшнее физической боли! Людвиг, мы знаем с тобой, что физическая боль — это только реакция нервных окончаний и защитная функция организма. Конечно, если попытаться быть точным, то боль – неприятное сенсорное и эмоциональное переживание, связанное с реальным или предполагаемым повреждением тканей, и одновременно реакция организма, мобилизующая различные функциональные системы для его защиты от воздействия патогенного фактора. Да. Повторение – мать учения, Людвиг.

Сегодня я забрал их из бункера, всех четверых, эти четыре комочка смерти. То, что я увидел в их глазах... я не знаю, как передать это... восемь просящих, чего-то ожидающих бусины, черные, как боль нашего народа, как боль всего мира. Они ждали от меня...

Дальше не разборчиво. Кажется, что чернила размыты слезами.

Бункер. 1,5x1,5x1,5 м. Тесно. Жарко. Ночь. День. Или Ночь? День... Нет. Ночь. Ночь. Ночь! Где-то запела птичка. Но не здесь! Здесь бункер 1,5x1,5x1,5! Здесь тесно, жарко, постоянная ночь, и неслышно птичку!

ИЛСА. На меня что-то капнуло... На меня что-то капнуло...
СЕЛМА. Извини...

Пауза.

ИЛСА. И это все?.. Вот так "Извини" и все?

ХЕНРИКЕ. Когда она волнуется у нее обширное слюноотделение. Селма, скажи ей.

СЕЛМА. Что я ей должна сказать?

ХЕНРИКЕ. Когда ты волнуешься у тебя обширное слюноотделение.

СЕЛМА. И все?

ЭРМА. Да.

Пауза.

СЕЛМА. Когда я волнуюсь у меня обширное слюноотделение... Извини.

ИЛСА. Хорошо.

СЕЛМА. И все?

ИЛСА. И все.

СЕЛМА. И зачем нужно было трогать человека по пустякам.

ИЛСА. Трогать? Трогать? А тебе не кажется, что мы здесь все друг друга трогаем? У тебя вообще липкое бедро!

СЕЛМА. Это у тебя липкая щека.

ИЛСА. Я не могу этого больше слушать... невыносимо!

СЕЛМА. Терпеть тебя ненавижу!

ИЛСА. Значит – не терпи.

СЕЛМА. Мне плохо, Хенрике, передай мне цианистого калия.

ХЕНРИКЕ. Мы должны бережно расходовать его. Наши запасы слишком малы.

СЕЛМА. Я задыхаюсь, мне нужен воздух, дайте хотя бы воздуха... воздух... дайте мне пакет...

ЭРМА. Дайте ей пакет!

ХЕНРИКЕ. Дайте ей пакет!

ИЛСА (*кривляя*). Дайте ей пакет!.. Я не дам ей пакет, это мой пакет, в нем мое белье.

СЕЛМА. Разве ты не видишь, что мне плохо... я задыхаюсь... вытащи белье, и дай мне пакет...

ЭРМА. Вытащи белье, и дай ей пакет.

ХЕНРИКЕ. Вытащи белье...

ИЛСА. Я поняла! Вытащить белье, и дать ей пакет... но я не стану этого делать.

СЕЛМА (*задыхаясь*). Бессер... бессер... дечная...

ЭРМА. Тише! Слышите, кажется, опять началось.

ИЛСА. Это у нее заурчало.

ХЕНРИКЕ. Как смешно заурчало!

ЭРМА. Тише!

Пауза. Все замирают. Напряженно вслушиваются, что же происходит за стенами бункера... Но это бункер с очень толстыми стенами! Неужели непонятно! Зачем вообще строить бункер с тонкими стенами?!

ХЕНРИКЕ. Селма, у тебя прошел приступ.

СЕЛМА. Что?

ХЕНРИКЕ. Приступ. Он прошел, понимаешь?

СЕЛМА. Да?... Ах, да!

ХЕНРИКЕ. Это замечательно. Я так рада за тебя, Селма.

ЭРМА. Тише! Когда я говорю "тише" нужно вести себя тихо, иначе мы никогда не услышим, что там происходит! Неужели вам не интересно, что творится, там, там! Это какое-то темное время, какое-то средневековье! Вы обречены, обречены. Слышите! Вы всю жизнь просидите здесь, и из-за вас, и я должна буду сгнить в этих стенах. Я буду

лежать мертвая, на этом холодном полу и очень быстро, очень быстро разлагаться от того, что ваш соленый пот будет капать на меня, и проедать во мне ужасные дыры. О, мать Волчица, ужели виновата в этом? За что должна терпеть я эти муки? Быть может, а, в душе я рождена поэтом! Или для ласк любовных эти руки. Но все же я должна сказать тебе, мать Волчица, что я благодарна тебе за эту узкую жизнь, за низкое знакомство с этими женщинами, за это душное, липкое общение, и тому подобное. У меня все.

Пауза. Все ошарашено смотрят на Эрму. Эрма спокойно рассматривает ногти на руках.

ХЕНРИКЕ (*осторожно*). Мне кажется, от того, что ты так долго говорила, ты могла пропустить все то, что хотела услышать за этими стенами... Извини.

Пауза. Всеобщее негодование.

ЭРМА. Нам всем нужно успокоиться.

Пауза. Все задумчиво качают головами.

ИЛСА. Давайте выпьем цианистого калия и попробуем уснуть.

СЕЛМА. Верно. Нам нельзя ссориться, ведь, правда?

ХЕНРИКЕ (*обреченно*). Ведь, правда...

СЕЛМА. Илса, хочешь, я отдам тебе половину своей порции, ведь мы подруги.

ИЛСА. Тогда и я отдам тебе свою половину, Селма.

СЕЛМА. А я не возьму.

ИЛСА. Почему?

СЕЛМА. Ведь мы подруги, и я хочу, чтобы тебе было хорошо.

ИЛСА. Ты такая заботливая. Дай я обниму тебя, Селма.

СЕЛМА. Мы итак почти обнимаемся.

Селма и Илса начинают хохотать красивыми женскими голосами, ведь они подруги, а в дружбе все красиво. Слыша их звонкий смех, Эрма и Хенрике тоже начинают хохотать. Наверное, в этот момент должна зазвучать красивая музыка... но это бункер! Он не приспособлен для красивой музыки! Здесь жарко и душно, здесь нечем дышать, и невозможно выпрямиться в полный рост!

ХЕНРИКЕ. Вот, девочки, держите ампулы, а завтра нас ждет новый день.

ЭРМА. Спасибо, Хенрике. Приятного сна.

ХЕНРИКЕ. И тебе приятного сна, Эрма.

ИЛСА. Спасибо, Хенрике. Приятного сна.

ХЕНРИКЕ. И тебе приятного сна, Илса.

СЕЛМА. Всем приятного сна!

ХЕНРИКЕ, ЭРМА, ИЛСА. И тебе приятного сна, Селма.

Они смотрят друг другу в глаза, Илса нежно кладет свою ампулу в рот Селме, Селма отдает ампулу Илсе. Хенрике и Эрма тоже обмениваются ампулами. Улыбаясь, они одновременно раскусывают ампулы, и ложатся на пол, стараясь улечься поудобнее... но это бункер 1,5x1,5x1,5! Здесь невозможно улечься поудобнее четверем взрослым женщинам! Неужели это не понятно? Должно пройти немало времени, чтобы женщины улеглись, но все же это должно произойти. Ведь человек в любом случае устает и

засыпает, тем более под действием цианистого калия. Но разные организмы у людей. Разные.

ИЛСА. Хенрике, твоя рука лежит на моей груди... Хватит зажимать глаза, человек не может спать с такими зажмуренными глазами. Когда человек спит – он расслаблен, поэтому глаза не могут быть зажмурены... Хенрике, твоя рука лежит на моей груди, и щупает ее... Хенрике!

ХЕНРИКЕ. Да, что?

ИЛСА. Твоя рука лежит на моей груди!

ХЕНРИКЕ. Странно, но я ничего не чувствую... Извини, я не хотела побеспокоить тебя, я уберу руку.

Пауза.

ИЛСА. Хенрике, ты обещала убрать руку.

ХЕНРИКЕ. Да, извини, видимо я сразу уснула. Мгновенно. Моментально, как говорится.

ИЛСА. А теперь уберу руку с моего лобка.

ХЕНРИКЕ. Ты такая доставучая, Илса. Тут мало места.

ИЛСА. Но мой лобок не обязательно должен быть подушкой для твоей руки.

ХЕНРИКЕ. Ты так интересно говоришь: "не обязательно должен". Я впервые слышу такую фразу.

ИЛСА. Мы можем поговорить об этом, но только после того, как ты уберешь руку.

ХЕНРИКЕ. Мне не очень интересно говорить об этом. Я просто отметила, что ты странно сказала.

ИЛСА. Мне тоже не интересно говорить об этом, но еще более мне не интересна твоя рука на моем лобке.

ХЕНРИКЕ. Хорошо, хорошо... хорошо.

Пауза.

ИЛСА. Хенрике, я чувствую палец?

ХЕНРИКЕ. Ты говорила про руку, и я подумала, что...

ИЛСА. Не тяни время... черт, Хенрике я не об этом!!! Убери свой палец! Я не могу этого принять, понимаешь, я никогда не смогу согласиться с этим.

ХЕНРИКЕ. Но почему?

ИЛСА. Таких как ты, Хенрике, очень мало в нашем обществе, а я не могу быть за меньшинство... за меньшинство.

ХЕНРИКЕ. Таких как я – 25%! Нас четверть общества! Ты долбаный фашист, Илса! Ты долбаный фашист!

ИЛСА. Это ни о чем не говорит.

ХЕНРИКЕ. Нет, это говорит о том, что ты долбаный жадный фашист.

ИЛСА. Почему это я жадная?

ХЕНРИКЕ. Значит с тем, что ты долбаный фашист ты согласилась?

ИЛСА. Нет, но это сейчас не важно...

ХЕНРИКЕ. Важно, тебе жаль кусочка своего тела! Для общества!

ИЛСА. Разве фашизм заключается в этом?

ХЕНРИКЕ. Конечно, ведь все что мне не нравится, я называю фашизмом!

Пауза.

ИЛСА. Когда-нибудь я сломаю тебе палец.
ХЕНРИКЕ. Это не страшно, я два раза ломала палец.
ИЛСА. Когда же это ты два раза ломала палец?
ХЕНРИКЕ. Однажды об Селму, и однажды об Эрму.
ИЛСА. Это не ты сломала пальцы о них! Это они сломали тебе пальцы!
СЕЛМА и ЭРМА. Да! Это мы сломали тебе пальцы!..

Пауза.

СЕЛМА и ЭРМА. Мы спим, мы спим, мы ничего не слышим...
ХЕНРИКЕ. А я наоборот хочу, чтобы меня услышали! Чтобы меня приняли такой, какая я есть! Мне надоело постоянно прятаться, надоело постоянно устраивать закрытые вечеринки... я там всегда одна. И поэтому, я обещаю вам, что когда-нибудь, для таких как я, я проведу в этом бункере парад!

Пауза.

СЕЛМА и ЭРМА (*спокойно*). Илса, ломай.

Слышен хруст. Хенрике орет, и кажется, что от ее крика должны лопнуть все оконные стекла в округе... Но это бункер! Здесь нет оконных стекол! Здесь нет «в округе», это бункер 1,5x1,5x1,5, здесь душно, тесно, и больше ничего!

ИЛСА. Я предупреждала тебя, Хенрике.
ЭРМА. В прошлый раз она кричала намного тише.
СЕЛМА. А в позапрошлый раз только тихонько скулила.
ЭРМА. Меня настораживает эта градация.
ИЛСА. А что же будет дальше...
СЕЛМА. Осталось еще семь... у нас лопнут перепонки.
ХЕНРИКЕ. Я вам отомщу. Обещаю.
ЭРМА. Мне кажется, что сегодняшний день стал для нас большим уроком. Каждый день, мы проходим испытания, которые посылает нам невидимый творец, наша мать Волчица. А посылает она их только для того, чтобы укрепить наш дух, укрепить наши сердца, укрепить нашу любовь друг к другу. Возьмемся за руки. Давайте, давайте, сейчас вы почувствуете, как сильны мы в нашем единстве.
СЕЛМА. У нее не рука, а лапа какая-то.
ХЕНРИКЕ. А у тебя не ногти, а когти.
ЭРМА. И за это мы любим друг друга, правда? Скажите это вслух, ведь я знаю, что ваши сердца говорят это. Ну, же! Не стесняйтесь!
СЕЛМА и ХЕНРИКЕ. И за это мы любим друг друга.
ЭРМА. Илса, а за что любишь всех нас ты?
ИЛСА. Я люблю вас за ту боль, которую вы причиняете мне ежедневно, ведь моя боль наполнена любовью.
ЭРМА. И эта боль томится в тебе?
ИЛСА. Томится.
ЭРМА. Так выпусти ее наружу.
ИЛСА. Но тогда я потеряю ее.
ЭРМА. Нет, не потеряешь. Ты поделишься своей любовью с нами, как и мы делимся ею с тобой.

ИЛСА. Я боюсь.

ЭРМА. Не бойся, отпусти ее, и ты почувствуешь, как тебе станет легче.

ИЛСА. Нет. Мой страх потерять любовь, сильнее самой любви.

ЭРМА. Значит, ты не любишь. Хенрике, Селма, сожмите крепче ее руки, пусть она почувствует нашу любовь.

ИЛСА. Мне больно.

ЭРМА. Любовь и есть боль, ты сама это говорила.

СЕЛМА. Любовь это и есть боль, ты сама...

ЭРМА (*резко*). Не перебивай меня, Селма!.. (*успокоившись*) Вот видишь, Илса, как мы все хорошо запомнили твои слова. И это от того, что мы любим тебя.

ИЛСА. Мне больно.

ЭРМА. И это хорошо. Ты отдаешь нам свою любовь. Селма, Хенрике, вы чувствуете, как Илса отдает вам свою любовь?

ХЕНРИКЕ. Кажется.

СЕЛМА. Да.

ХЕНРИКЕ. Кажется, да...

ЭРМА. Что и требовалось доказать. А теперь отпустите руки. И что? Вам все так же хорошо?

ХЕНРИКЕ и СЕЛМА. Да.

ИЛСА. Очень, очень хорошо.

ЭРМА. Я чувствую, как ваши сердца спокойно бьются в один ритм. Мысли ваши легки. Сделайте медленный вдох, а теперь медленный выдох. Вдох, и медленный выход. Медленный вдох, и выдох. Медленный вдох, и такой же медленный выдох. Десять, девять, восемь, шесть, семь... видите, вы даже не заметили, что я поменяла цифры местами, мысли ваши легки... пять, четыре, три, два, один, ноль, минус один, минус два, минус три...

И Эрма считала так до минус бесконечности. Она считала так всю ночь, чтобы любящие сердца вокруг нее отдохнули. Но это бункер! Это бункер 1,5x1,5x1,5, здесь невозможно отдохнуть любящим сердцам, здесь невозможно отдохнуть никаким сердцам вообще! Это чертов бункер! Бункер, и без часов тут трудно понять ночь сейчас, или день! Здесь только электрический свет, тут нет ни солнца, ни луны! Ни времени...

Сцена 2.

Тетрадь.

ЛЮДВИГ. ...Сегодня я попытался открыть коробку, но руки мои задрожали. Какое-то время я пересиливал себя и, в конце концов – открыл. Я не выдержал и десяти секунд. Но, и эти десять секунд показались мне бесконечностью... бесконечностью в отрицательной степени. Их ждущие глаза смотрели на меня, сосали меня изнутри, как щенки, покусывая, сосут сосцы суки. Мне казалось, что они затянут меня в эту коробку, и она захлопнется навсегда. С большим трудом я оторвался от их взгляда, бросил им еще одну порцию цианида (которую они в секунду проглотили), и закрыл коробку. Пульс мой участился, дыхание сбилось, мне понадобилась, наверное, половина дня, чтобы прийти в себя. Вечером, я вернулся к коробке и долго слушал, как они твякают и скулят в закрытом пространстве. Даже у закрытой коробки мною овладел страх. Страх оттого, что я наконец-то понял – когда это твяканье превратится в лай, он снова зальет весь мир, и...

Дальше запись отсутствует. Кажется, дрогнула рука.

Бункер. 1,5x1,5x1,5 м. Тесно. Жарко. Слышно, как кто-то тихонько плачет, со стороны может показаться, что это скулит щенок. Но это бункер, и слышно может быть только в нем! Поэтому нам ничего не слышно! Куда-то дальше звук проникать не может, но зато в бункере!..

ХЕНРИКЕ. Селма, это ты так противно скулишь?

СЕЛМА. Нет, Хенрике, я скулю не так противно.

ХЕНРИКЕ. Эрма, это ты так противно скулишь?

ЭРМА. Нет, я никогда не скулю – скулить грех.

ХЕНРИКЕ. Илса, значит это ты?..

Молчание. Пауза. Снова слышно, как кто-то тихонько скулит.

ХЕНРИКЕ. Илса, это ты так противно скулишь?

Молчание. Пауза. Снова слышно, как кто-то тихонько скулит.

СЕЛМА. Если это не я, и не Эрма, значит – это либо ты, Хенрике, либо, действительно, Илса.

ХЕНРИКЕ. Но я не могу одновременно скулить, и спрашивать о том, кто скулит.

ЭРМА. Может быть, ты решила нас разыграть?

ХЕНРИКЕ. Нет. Не думаю, что мое чувство юмора развито настолько, чтобы...

Снова слышно, как кто-то тихонько скулит. Пауза.

ХЕНРИКЕ, СЕЛМА и ЭРМА. Илса, это ты так противно скулишь?!

ИЛСА. Какое вам дело? Оставьте меня в покое.

ХЕНРИКЕ. Ты мешаешь нам спать...

ЭРМА. Ты должна подумать и о других.

СЕЛМА. Ты же здесь не одна.

ИЛСА. И жаль! И очень жаль! Как бы мне хотелось сейчас побыть одной...

СЕЛМА. Что с тобой, Илса? Прекрати плакать. У тебя такое некрасивое лицо, когда ты плачешь. Хочется тебя ударить.

ИЛСА. Бейте, делайте со мной что хотите, только оставьте в покое.

ХЕНРИКЕ. Так нельзя. Дорогие, нам нужно помочь ей.

ЭРМА. Давайте поможем.

СЕЛМА. Может быть, ее просто ударить в ее некрасивое лицо, и она успокоится?

ЭРМА. Нет. Ей нужно помочь... (*подбирая слова*) как-то человечно... что ли... без рукоприкладства... что ли... гуманно... мы должны быть... сострадательны... что ли...

СЕЛМА. Состра...дать бы ей!

ЭРМА. Замолчи.

ХЕНРИКЕ. Илса, ты слышишь, мы хотим тебе помочь. Скажи нам, чем мы можем помочь тебе?

ИЛСА. Вы не в силах этого сделать.

СЕЛМА. Я знаю, что в силах сделать!

Селма бьет Илсу. Илса пытается ударить Селму, но попадает в Хенрике. Хенрике бьет Илсу. Эрма бьет Хенрике, Селму, Илсу... и себя.

ЭРМА. Теперь никто не в обиде. Вернемся к нашему разговору. Итак, Илса, чем мы можем помочь тебе?

ИЛСА. Я хочу побыть одна. Пожалуйста, оставьте меня.

Пауза.

ХЕНРИКЕ. Как мы тебя оставим? Куда мы можем отсюда деться?

ИЛСА. Не знаю. Но я хочу побыть одна. Вы говорите, что хотите помочь мне, но почему-то сразу начинаете задавать какие-то ненужные вопросы. Хотите помочь мне – оставьте меня одну. Мне нужно побыть одной.

СЕЛМА. Это, по меньшей мере, странно. Куда же мы, по-твоему, должны уйти, Илса?

ИЛСА. Не знаю. Это ваше дело.

СЕЛМА. Невероятно. Она издевается над нами.

ИЛСА. Еще вчера вы клялись мне в любви, буквально несколько минут назад говорили, что готовы сделать все для меня, а теперь... а теперь вы ищите какие-то глупые отговорки! Я хочу побыть одна. Уходите.

ЭРМА. Наверное, Илса права. Мы обещали ей.

ХЕНРИКЕ. Но куда мы пойдем?

ЭРМА. Я не знаю.

СЕЛМА. Я никуда не пойду.

ЭРМА. Мы должны, Селма.

ХЕНРИКЕ. Это бред, мы не можем никуда уйти!

ЭРМА. Просто мы не пробовали. Давайте попробуем.

СЕЛМА и ХЕНРИКЕ. Как?!

ЭРМА. Просто пойдете отсюда. Мы будем просто идти.

СЕЛМА. Долго?

ЭРМА. Сколько потребуется.

ХЕНРИКЕ. А если я устану?

ЭРМА. Мы сделаем привал.

СЕЛМА. А если я выбьюсь из сил?

ЭРМА. Мы поможем тебе. И не забудьте самого главного – никогда не оглядывайтесь.

Пауза.

СЕЛМА. В путь?

ХЕНРИКЕ. В путь...

ЭРМА (*через паузу*). В путь!

И они пошли. Они шли, сбивая ноги, спотыкаясь и падая, шли, только с одной целью, чтобы Илса была счастлива. И в этом далеком пути силы им придавала мысль, что где-то там, в одиночестве, их подруга хоть на мгновение почувствует безмятежность, она сможет успокоить свои нервы и очистить свои мысли, находясь наедине с собой.

ИЛСА. Спасибо вам, мои дорогие, спасибо!.. Вы слышите меня? Спасибо!

СЕЛМА. Мы не-е слы-шим те-бя-я, Илса-а!

ХЕНРИКЕ. Мы-ы уш-ли-и слиш-ком да-ле-ко-о!

ЭРМА. Будь сча-а-стли-и-ва-а, и не за-бу-у-дь поз-ва-а-ть нас на-за-а-д...

ИЛСА. Что?

ЭРМА. На-за-а-д.

ИЛСА. Что?

ЭРМА. На-за-а-д! На! Зад! Назад!

ИЛСА. Я не слышу вас!

ЭРМА, СЕЛМА, ХЕНРИКЕ. И мы-ы у-у-же не слы-ши-и-м те-бя-я... бу-у-дь сча-стли-ва-а...

ИЛСА (*почти шепотом*). Будьте счастливы и вы... будьте счастливы и вы... будьте счастливы и вы...

Но ее уже никто не слышал, и не оттого, что она говорила шепотом. Наоборот, шепот ее, рассекая пространство, долетал до самых далеких уголков земли... Как спросите вы?... И я тоже спрошу! Как?! Как вы себе это представляете?! Это бункер! Бункер, черт подери! Как в бункере 1,5x1,5x1,5 можно рассекать пространство до самых далеких уголков земли? Как в чертовом бункере можно куда-то уйти трем взрослым женщинам? Как в этом бетонном кубе можно оставить кого-то наедине с самим собой? Тут можно только забиться в угол, и делать вид, что тебя нет! Тут можно только попытаться отвернуться от всех, закрыть уши, чтобы не слышать тяжелого дыхания остальных, и представить, что ты один!.. Но представить можно!

ИЛСА. Ой... ой... как же я устала быть Сукой. Как тяжело быть Сукой в этом жестоком мире. Здесь каждый хочет быть Сукой, и каждый имеет на это право! Здесь все борются за свои права. И попробуй только отказать кому-то в его праве быть Сукой, и тебя тут же осудят! Тебя навсегда заклеят «Антисукой», и будут крутить пальцем у виска! Могут выселить тебя из собственной квартиры. Отключить свет, порезать твою дерматиновую дверь, или поджечь почтовый ящик. Могут посадить в тюрьму. Я слышала, там нет Сук, а если даже такие и находятся – их там не любят. Суки!

Жизнь – груба. Мягкой, добродушной Суке просто не выжить в этом мире, да, и зачем они нужны. Позор генофонда. Поэтому, нужно быть злой, нужно быть самой сильной Сукой! Есть закон: чем больше самоубийц – тем меньше самоубийц. Почему этот закон не действует на Сук? Если бы, сука, все эти мелкие «Псевдосуки» вымерли... Если бы Сук было мало, их стали бы замечать, обращать внимание, защищать, как тигров или носорогов. Мы бы выделялись из толпы, гордо неся свое имя – Сука! Ну, а сейчас? Серая, бесцельно снующая туда-сюда толпа Сук... жалкое зрелище.

СЕЛМА (*шепотом*). Эрма, мы долго будем это слушать?

ЭРМА (*шепотом*). Потерпи, кажется осталось не долго.

ИЛСА. Сука сама кует свое счастье!

ХЕНРИКЕ (*шепотом*). ...За счет других.

ИЛСА. Да, Сука сама кует свое счастье за счет... кто здесь?

ХЕНРИКЕ (*эхом*). Кто здесь... кто здесь... о здесь?

ИЛСА. Видимо, показалось...

ХЕНРИКЕ (*эхом*). ... Залось... залось... алось...

ИЛСА. В этом мире так одиноко. И эхо собственного голоса разбивается о бетонные стены... Суки не могут жить в одиночестве. Эй, иди все сюда, вы слышите, идите сюда, мне страшно и одиноко... Идите же скорей...

ЭРМА. Потерпи немного, Илса, мы уже рядом.

ИЛСА. Скорее, умоляю вас...

СЕЛМА. Мы бежим к тебе! Ты слышишь наши шаги? Мы уже рядом.

ИЛСА. Скорее, зачем вы оставили меня одну?..

ЭРМА. Ты не одна, Илса, ты не одна!

СЕЛМА. Обернись, мы уже у тебя за спиной. Обернись и обними нас.

ИЛСА (*обернувшись*). Дорогие мои, как я рада... но где же Хенрике?

ЭРМА и СЕЛМА. Хенрике, где ты?

ХЕНРИКЕ. Я, кажется, заблудилась.

ИЛСА. Иди на наши голоса, Хенрике.

ЭРМА и СЕЛМА. Хенрике, иди на наши голоса! Хенрике, Хенрике.

ХЕНРИКЕ. Да, здесь я, здесь, что вы разорались как дуры?

ИЛСА. Что задержало тебя, Хенрике?

ХЕНРИКЕ. Вот. По дороге назад я нашла это.

Хенрике протягивает зеркало.

СЕЛМА. Что это?

ХЕНРИКЕ. Не знаю. Наверное, чей-то портрет.

СЕЛМА. Дай посмотреть.

Селма смотрит в зеркало.

СЕЛМА. Какая-то уродина.

ИЛСА. Дай мне посмотреть. (*смотрит*) У тебя просто нет вкуса. Как по мне – это очень красивая женщина.

ЭРМА. Покажите. (*заглядывает Илсе через плечо*) Их тут две!

ИЛСА. Пока ты не влезла, она была одна. Ты сломала портрет.

ХЕНРИКЕ. Эрма сломала портрет? Так и знала, что вам ничего нельзя давать в руки. Отдайте. (*вырывает зеркало из рук Илсы, смотрит*) Все в порядке! Все тот же портрет. Вот!

Хенрике показывает зеркало Илсе, Эрме и Селме.

ИЛСА, ЭРМА и СЕЛМА. Их трое, их трое, их трое!!!

ХЕНРИКЕ. Их не может быть трое. На портрете может находиться только один человек.

ИЛСА. Это групповой портрет!

ЭРМА. Коллективный портрет!

СЕЛМА. Это зеркало.

Пауза. Все с недоверием смотрят на Селму.

ЭРМА. Зеркало?

СЕЛМА. Зеркало. И в нем отражаемся все мы. Зеркало предназначено для того, чтобы в нем отражались лица.

ИЛСА. Так значит, та красotka – это я?

СЕЛМА. Да, а уродина – я. Это обыкновенное зеркало.

ИЛСА (*Хенрике*). Дай мне еще раз посмотреть. (*вырывает зеркало из рук Хенрике*) Я – хороша! (*Смотрит на Селму*) И о себе нужно быть более высокого мнения. Себя нужно любить. Посмотри еще раз. (*переворачивает зеркало так, чтобы они отражались в нем вдвоем*) Смотри, какие красивые у тебя губы.

СЕЛМА. Зато нос...

ИЛСА. И нос красивый.

ЭРМА (*выглядывая из-за плеча*). Мне кажется, мы все очень даже ничего.

ХЕНРИКЕ. Поверните так, чтобы всем было видно.

ИЛСА. Погоди, мы еще не закончили.

ХЕНРИКЕ. Но зеркало нашла я! Я имею право смотреться вместе со всеми! Повесь его на стену, пусть будет видно всем.

Илса вешает зеркало на стену так, чтобы в его отражении было видно всех. Все замирают, смотрят в отражение. Пауза.

СЕЛМА. Невероятно.

Пауза.

ИЛСА. Невообразимо.

Пауза.

ЭРМА. Немыслимо.

Пауза.

ХЕНРИКЕ. У Селмы снова в животе заурчало.

ИЛСА. И на меня снова что-то капнуло!

СЕЛМА. Когда я волнуюсь...

ЭРМА. Да, знаем-знаем. Тише. Просто смотри, и не двигайся.

Пауза.

ХЕНРИКЕ (*шепотом*). Мы очень красивые.

ЭРМА (*шепотом*). Я согласна.

СЕЛМА (*шепотом*). У нас один цвет волос.

ХЕНРИКЕ (*шепотом*). Да, мы очень красивые.

ИЛСА (*шепотом*). Мы так похожи друг на друга.

ЭРМА (*шепотом*). Да, мы похожи друг на друга, как...

Пауза. Все медленно поворачивают головы, смотрят друг на друга, потом снова в зеркало. Опять друг на друга. Резко меняются местами, смотрят в зеркало, снова друг на друга, и снова в зеркало. Пауза.

СЕЛМА. Я не могу в это поверить...

ХЕНРИКЕ. Но это правда...

ЭРМА. Я люблю вас...

ИЛСА. Мне петь захотелось...

ХЕНРИКЕ. Пой, сейчас не стыдно...

Глядя в зеркало сестры, произвольно обнимаются, по их щекам медленно текут слезы. Они замирают и неотрывно смотрят в отражение. Долго. Илса начинает медленно, нараспев петь:

ИЛСА. Die young, stay pretty

Die young, stay pretty

Die young, stay pretty

Die young, stay pretty

Deteriorate in your own time (Deteriorate in your own time)
Tell 'em you're dead and wither away
Are you living alone or with your family?
A dried up twig on your family tree?
Are you waiting for the reaper to arrive?
Or just to die by the hand of love?
Love for youth, love for youth
So, die young and stay pretty

Leave only the best behind
Slipping sensibilities
Tragedy in your own dream, oh.

Сцена 3.

Тетрадь.

ЛЮДВИГ. Невозможно. Я не могу поверить в это, но они невосприимчивы к цианиду, так же, и «Zyklon B» не имеет на них никакого умертвляющего свойства. Теперь страх овладел мною полностью. С того дня, когда по просьбе фюрера я умертвил их мать и брата, когда я понял какая сила заключена в этой коробке, когда я увидел их глаза, и осознал слова фюрера о пророчестве – время для меня остановилось. Сейчас я понимаю, что бежать уже поздно. Бежать просто некуда. Остается только одно: мне необходимо понять, как навсегда удержать эту силу заточенной в небольшой коробке, чтобы ни один взгляд не упал на нее, чтобы ни одна рука не коснулась ее. (Необходимо перечитать 6-ую главу Апокалипсиса Иоанна, кажется она есть в домашней библиотеке). Я должен сделать все, чтобы у человечества больше не было возможности когда-либо отрыть эту коробку, и выпустить на свет этих...

Дальше все залито чернилами. Лист сильно измят, но не вырван.

Бункер 1,5x1,5x1,5. Тесно, жарко, липко. Уже цветут сады, пленяя своим ароматом увлеченные амуrom парочки, заставляя их подолгу задерживаться под раскидистыми ветвями, и с влюбленной жестокостью вырезать на стволах заглавные буквы своих имен соединяя их графическим символом операции сложения. Но здесь – бункер 1,5x1,5x1,5, и здешние ароматы не могут пленять ни влюбленных, ни каких-нибудь других извращенцев! Бункер, будь он проклят! И слово аромат может употребляться здесь только с такой негативной окраской, будто тебя выворачивает наизнанку – Арома-а-ат, черт подери!

ЭРМА. Вы слышите?

ХЕНРИКЕ. Что? Я ничего не слышу.

СЕЛМА. Опять началось? Я всегда так боюсь этого, у меня снова начнется приступ.

ИЛСА. Что ты слышишь, Эрма? Я не слышу ничего, кроме урчания Селмы.

СЕЛМА. Вы же знаете, когда я волнуюсь...

ЭРМА. Дуры! Вы слышите запах? Запах слышите?

ИЛСА. Кто еще дура, как можно слышать запах?

ХЕНРИКЕ. Послушай, как я танцую, дура.

СЕЛМА. Понюхай, как я рисую, дура.

ИЛСА. Потрогай, как я пою, дура.

ИЛСА, ХЕНРИКЕ, СЕЛМА. Дура!

ЭРМА. Да примнохайтесь же вы!

СЕЛМА. У меня от начинающего приступа нос заложило, и глаза режет. Я ничего не слышу.

ХЕНРИКЕ. Здесь пахнет женщиной!

ИЛСА. Странно, если бы здесь пахло чем-то еще!

ЭРМА. Мне кажется, что пахнет миндалем.

ИЛСА. Я тоже почувствовала. Неприятный запах.

ХЕНРИКЕ. Женщина пахнет лучше.

СЕЛМА. Расскажите мне, что это за запах! Я тоже хочу почувствовать.

ЭРМА. Аромат миндаля – дивный, тонкий и притягательный. Он первым зацветает из всех деревьев, возвещая о приходе весны! Еще до того, как на его ветках набухнут почки, он весь одевается в прекрасный бело-розовый наряд из цветов – и ветки, и ствол его покрываются изумительно красивыми цветами, источающими тонкий аромат, похожий на запах роз.

СЕЛМА. Как красиво!

ХЕНРИКЕ. Говорят, что любовь на земле

Нам и горе приносит и радость,

В ней соседствуют, как в миндале,

Горечь сладкая, горькая сладость...

Омар Хайям.

СЕЛМА. Как прекрасно!

ИЛСА. При поражении синильной кислотой ощущается запах горького миндаля, горький металлический привкус во рту, затем понижение чувствительности слизистой оболочки полости рта, раздражение горла, тошнота, головная боль, головокружение, слабость. Наблюдается расширение зрачков, выпячивание глазных яблок, одышка, судороги. Отмечается угнетение, чувство страха и потеря сознания. Затем наступает потеря чувствительности, расслабление мышц, резкое нарушение дыхания и сердечной деятельности. При малейшем запахе горького миндаля в рабочем помещении работу следует немедленно прекратить, удалить рабочих из помещения и принять меры к устранению причин образования синильной кислоты.

СЕЛМА. Но ведь мы не рабочие?

ИЛСА. Нет.

СЕЛМА. Значит мы не должны удаляться из этого помещения! Как это замечательно! Запах весны! Я еще никогда не видела весны, но благодаря вам, я могу почувствовать, что это такое! Бело-розовый наряд из цветов, выпячивание глазных яблок, расслабление мышц! Мне хочется танцевать! Вальс, пусть звучит вальс!

Селма начинает танцевать. Она танцует вальс – танец, который знают все. Его танцуют на выпускных вечерах и свадьбах, на Венских балах и в сельских клубах. Вальс – один из самых романтических и любимых танцев, объединяющий поколения и погружающий нас в состояние некоторой эйфории. Сестры «заражаясь» настроением Селмы тоже начинают танцевать. Состояние общей эйфории заполняет бункер, как... Бункер! Бункер, черт вас дери! Какая эйфория может быть в бункере, какие танцы?! Как можно танцевать в бункере 1,5x1,5x1,5 четверем взрослым женщинам? Какая эйфория, если тут нечем дышать?

СЕЛМА. У меня кружится голова... мне плохо... я задыхаюсь... держите меня...

Селма оседает, сестры подхватывают ее.

ИЛСА. Дотанцевалась!

ХЕНРИКЕ. Ишь, как разошлась. Смотрите, смотрите – это выпячивание глазных яблок.

ЭРМА. Дайте ей цианистого калия!

ХЕНРИКЕ. Давайте, я ей искусственное дыхание сделаю.

Хенрике делает Селме искусственное дыхание. Селма приходит в себя, но Хенрике не отпускает ее, и продолжает делать искусственное дыхание. Селма вырывается.

СЕЛМА. Она мне языком в рот залезла.

ХЕНРИКЕ. Я открывала тебе дыхательные пути.

ИЛСА. Фу, как противно.

ХЕНРИКЕ. Но ведь помогло? Помогло!

ЭРМА. Пусть и помогло, но больше так не делай.

ХЕНРИКЕ. Почему?

ЭРМА. Мы сестры.

ХЕНРИКЕ. И только?

ЭРМА. Этого достаточно!

СЕЛМА. Но мне было так хорошо...

ХЕНРИКЕ. Видите, ей было хорошо!

СЕЛМА. Мне было хорошо, когда я танцевала. Я чувствовала весну, я чувствовала свободу!

ХЕНРИКЕ. Ты была так красива, когда танцевала, что я...

ИЛСА. Заткнись, Хенрике! Меня сейчас стошнит.

ХЕНРИКЕ. Возьми свой пакет, и можешь тошнить сколько угодно! А я хочу сказать, что Селма в танце была прекрасна, эти женственные изгибы, ямочки на поясице, ее упругая...

ИЛСА. Меня стошнит! Дайте мне пакет!

ЭРМА. Дайте ей пакет!

СЕЛМА. Пакет рядом с Хенрике.

ЭРМА. Хенрике, дай ей пакет.

ХЕНРИКЕ. Но я еще не договорила. Ее... ее упругая...

ИЛСА. Пакет!

ЭРМА. Пакет!

СЕЛМА. Пакет рядом с Хенрике!

ХЕНРИКЕ. Ее упругая, упругая и подтянутая...

ИЛСА. Пакет!

ЭРМА. Пакет!

СЕЛМА. Я не достаю. Пакет рядом с Хенрике!

ХЕНРИКЕ. Ее упругая, подтянутая спина... была так выразительна...

ИЛСА. Спина?

ЭРМА. Спина!

СЕЛМА. Я не достаю... что? Спина?

ХЕНРИКЕ. Спина, а вы, о чем подумали?

Пауза.

ИЛСА. Ни о чем. Я ни о чем не подумала.

ЭРМА. Я думала точно так же, как и ты, Илса. Ни о чем.

СЕЛМА. Я вообще думала только о пакете...

Пауза.

ХЕНРИКЕ. Но ее аппетитная жёпка, и эти спелые сисюличики просто свели меня с ума...

ИЛСА. Она сказала это?

ЭРМА. Она сказала это...

СЕЛМА. Да, она это сказала...

Пауза.

ИЛСА. Пакет!

ЭРМА. Два пакета!

СЕЛМА. Пакет рядом с Хенрике, я не достаю!

ИЛСА. Я сама его возьму, пропусти меня!

ЭРМА. Не толкайся.

ИЛСА. Сама не толкайся. Мне нужно пройти, срочно пройти.

ЭРМА. Я иду в ту же сторону.

ИЛСА. Пусть нам и по дороге, но мне нужно пройти первой. Я спешу. Меня тошнит.

ЭРМА. Я в такой же ситуации, Илса.

ИЛСА. Какая мне разница?

ЭРМА. Илса, мы сейчас можем очень сильно поругаться, и это надолго разорвет наши взаимоотношения.

ИЛСА. Плевать я хотела.

СЕЛМА. Вот только ругаться не надо.

ЭРМА, ИЛСА. Заткнись! Не лезь в чужое дело. Что за дурная привычка лезь туда, куда тебя не просят. Лучше бы за собой следила, а то видишь ли руки у нее не достают. Умирать буду, так и стакана воды не подашь, ручки-то коротки. Умирать буду, так и стакана воды не подашь, а еще сестра называется! Умирать буду, так и стакана воды не подашь, а? Не подашь? Не подаст, стерва такая! Все по глазам вижу. Вам всем волю дай, так вы на голову сядете, в прямом смысле, и ножки свесите. В прямом, тоже.

ХЕНРИКЕ. А что вы на нее орете? Думаете, она орать не может? Нашли слабенького, и теперь само утверждаться за его счет собрались? Нет уж, не выйдет! Вы не в армии, не в детдоме, не на почте, в конце концов! Вам тут не трамвай общественного пользования – место уступать не должны. (*Селме*) А ты, что молчишь? Тут отмолчаться не получится, один раз слабость свою покажешь, так они всю жизнь на тебе ездить будут. Давай, скажи им.

СЕЛМА. А что сказать?

ХЕНРИКЕ. Что хочешь, то и говори, главное громко, чтобы они испугались!

СЕЛМА. Правильно! Правильно! Что это я вам?

ХЕНРИКЕ. Молодец! Продолжай.

СЕЛМА. А точно все, что хочу говорить можно?

ХЕНРИКЕ. Все. Все, как есть!

СЕЛМА (*Илсе и Эрме*). И не надо мне тут! Вы думаете, что бегают тут серенькая мышка-полставочница, так над ней издеваться можно? Нет, у меня и профсоюз, и выслуга лет, и почетная грамота, и вазу хрустальную, лично, из рук сами знаете кого, получала. Я тут, между прочим, вместе с вами, как говорится, от звонка до звонка. И нечего на мою хрупкую конструкцию пенять. У меня показатели, между прочим, сами знаете! Да что мне

вам объяснять, вы же меня вот с таких, вот с таких знаете! Мы с вами в одной, как говорится, связке, упряжке, как говорится, одной, а вы? Эх, скурвился цех! Ссучился... дай, Хенрике, закурить, не могу я так больше. Не могу...

Пауза. Селма отворачивается в угол, закрывается руками, плачет.

ХЕНРИКЕ. Это в ней коллективное бессознательное заговорило. Сильно вы ее задели. Не хорошо это, она же травмированная. С детства.

ЭРМА. Как это?

ХЕНРИКЕ. Она сейчас некий единый для нас знаменатель вывела. Если кратко, то каждый из нас хоть целиком и не говно, но Птица-Феникс из любого говна возродиться не может. Так сказать, представление о герое-спасителе, погибшем, но чудесным образом возникающем вновь – разрушено. И виноваты в этом... эх, стыдно должно быть, стыдно... держите ваш пакет.

Хенрике отдает Илсе пакет, отворачивается в другой угол, садится, закрывается руками.

ЭРМА. Ты хоть что-нибудь поняла?

ИЛСА. Нет. Но как-то не по себе стало... я, пожалуй, пойду.

Илса отворачивается в другой угол, садится, закрывается руками.

ЭРМА. И вы меня одну здесь оставите?..

Пауза.

ХЕНРИКЕ. Сядь, Эрма. Нам всем нужно успокоиться.

Эрма послушно отворачивается в угол, садится, закрывается руками. Пауза.

СЕЛМА. Когда мне одиноко, у меня возникает непреодолимое желание звонить и молчать в трубку.

ХЕНРИКЕ. Когда мне одиноко, я очень хочу есть, поэтому очень тяжело переношу одиночество после 18:00.

ИЛСА. Когда мне одиноко, я люблю ходить по магазинам и брать в примерочную больше шести вещей.

ЭРМА. Когда мне одиноко, то я люблю включать душ и долго-долго стоять под его струями представляя, что идет дождь, плакать и жалеть себя.

ИЛСА. Селма, а кому ты звонишь, когда тебе одиноко?

СЕЛМА. Я звоню тому, кто подарил мне это одиночество. Лучше всего звонить после часа ночи, или даже после двух... И пьяной.

ИЛСА. Почему?

СЕЛМА. Тогда тот кому ты звонишь сильнее понимает твое одиночество, и проникается им. А ты, Хенрике, что ты любишь есть, когда тебе одиноко?

ХЕНРИКЕ. Когда мне одиноко, я люблю есть сладкое. И жирное. И жареное. И на пару. Еще люблю малосольное и подкопченное, тоже. Сырое. Иногда замороженное. Мягкое люблю. Сочное. Люблю подгоревшее. Пригорное.

СЕЛМА. Ты, наверное, любишь одиночество?

ХЕНРИКЕ. Пусть это останется моим секретом. Илса, а сколько необходимых тебе вещей ты покупаешь, когда одинока?

ИЛСА. Необходимых? Какой трудный вопрос... У тебя есть еще вопросы?

ХЕНРИКЕ. У тебя есть что-нибудь сладкое, или твердое?

ИЛСА. Нет, Хенрике, к сожалению, у меня ничего нет для тебя... Эрма...

Пауза. Илса встает, делает шаг к Эрме, включает над ее головой душ, и снова садится в свой угол. Через какое-то время Эрма начинает плакать.

ИЛСА. Эрма, ты плачешь?

ЭРМА. Нет. Разве ты когда-нибудь видела, чтобы люди плакали под дождем?

ИЛСА. Мне кажется, ты замерзла, Эрма.

ЭРМА. Да, сегодня очень холодный дождь. Наверное, скоро придет зима, и дождь превратится в снег. И тогда... и тогда... и тогда до следующей весны я не смогу быть одинока. Разве это не прекрасно?

Эрма плачет. Илса садится рядом с ней и обнимает ее. Через какое-то время к ним присоединяется Селма, а затем Хенрике. Они жмутся друг к другу, стараясь согреть свои замерзшие тела, даже не подозревая, что подсознательно, они хотят согреть не себя, а своего соседа. Так они и сидят под струями холодной воды, забыв, что это не дождь, а всего на всего холодный душ в бункере, в котором еще совсем недавно было жарко, тесно, и совсем нечем было дышать. Забыв, что это бункер?! Бункер с ограниченным запасом воды!.. Ладно... И к тому моменту, когда запас воды заканчивается, они засыпают, как засыпают под дождем щенки, носом уткнувшись друг другу в теплые животы, изредка подрагивая от окутавшего их холода.

Сцена 4.

Тетрадь.

ЛЮДВИГ. Сегодня ночью я принял решение. Не могу сказать, что далось оно мне легко, ведь нет никаких гарантий, что все пройдет успешно, но время играет против нас, поэтому все останется, как было решено. Я договорился отправить коробку в Латинскую Америку. Личный водитель фюрера Эрих Кемпка бежит через Рим, Геную, и дальше морем в Аргентину. Мы условились, что по прибытии, он немедленно отправится на северо-запад страны, и на плато Пуна-де-Атакама навечно спрячет коробку от людских глаз. Надеюсь, что найти коробку на площади 180 000 квадратных километров, такая же непосильная задача, как и найти иголку в стоге сена. Операция проходит в условиях строжайшей секретности, кодовое название «Аргентинские каникулы».

Дальше мелко, но разборчиво #Аргентинскиеканикулы45, #Эрихкемпка, #Пунадеатакама, #Секретнаяоперация, #Theworldismine. Запись заканчивается.

Бункер 1,5x1,5x1,5. Тишина. Сестры сидят кругом и расчесывают друг другу волосы. Конечно, можно пойти в парикмахерскую, или пригласить мастера на дом, но тут не дом, тут бункер 1,5x1,5x1,5! Сюда нельзя никого пригласить! Так что сиди тихо и расчесывай волосы!

СЕЛМА. А я все думаю, чем мы будем заниматься, когда выйдем отсюда?

ЭРМА. Тише, Селма. Занимайся своей работой.

СЕЛМА. И все же – это так интересно!

ЭРМА. Конечно интересно. Но заниматься работой важнее. Когда мы выйдем отсюда, мы будем дисциплинированы и выносливы, мы сможем сделать множество полезного для блага нашего народа.

ХЕНРИКЕ. Для блага нашего народа, я бы приготовила огромный шведский стол, чтобы еды хватило на каждого человека, живущего на земле.

ЭРМА. Шведский – это не патриотично.

СЕЛМА. А я бы соткала такой огромный флаг нашей страны, чтобы его было видно с любой точки планеты. И тогда, все путники возвращались бы домой. Это так романтично.

ЭРМА. Не вижу ничего романтичного. Нужно стремиться к тому, чтобы любая точка планеты была для нашего гражданина домом.

СЕЛМА. Ты предлагаешь стереть все границы?

ЭРМА. Нет, я предлагаю сделать на земле одно государство!

ИЛСА. А я бы хотела рожать...

ЭРМА. И все?

ИЛСА. Я не договорила. Я бы хотела рожать только от богатых и женатых. А потом, я бы могла разводить их на деньги. На очень большие деньги.

ЭРМА. А дети?

ИЛСА. После получения денег я бы сдавала их в детдома, чтобы они не росли под материнской юбкой, а стали сильными и самостоятельными гражданами.

ЭРМА. Молодец. Именно такие люди нужны нашей стране – сильные и самостоятельные!

ХЕНРИКЕ. А что бы сделала ты, Эрма? Наверное, ты бы пошла пешком по миру рассказывая всем о нашей Матери Волчице.

ЭРМА. Нет.

ХЕНРИКЕ. Значит, ты бы построила самый большой в мире храм для нее, и стала бы главной служительницей?

ЭРМА. Нет.

ХЕНРИКЕ. Ты бы описала всю жизнь Матери Волчицы в большой, толстой книге, надевала бы белую рубашку и ходила бы по подъездам звоня во все двери и предлагая ее бесплатно, или за дарственную на квартиру?

ЭРМА. Нет.

ХЕНРИКЕ. Что-то изменилось в тебе, Эрма.

ЭРМА. Да. Пока вы спали я слушала что творится там, за этими стенами. Мне казалось, что слух мой дотягивается до самых далеких уголков земли. И я не услышала ничего, кроме музыки.

СЕЛМА. Музыка?

ЭРМА. Ужасной музыки. Я слышала, как медленно сбивается с ритма рука раненого барабанщика, как молодой горнист выдувает через пробитое легкое последнее «В атаку», как затихает марш военно-полевого оркестра, срезанный пулеметной очередью. Слышала, как в окопах поют солдаты, накрываемые массированным авиаударом. Вся земля сейчас похожа на кожу больного оспой, а оспой страдают только люди. Люди. Мы все в опасности. Весь наш народ. Все народы мира. Мы все в опасности. Я не могу поверить, что Мать Волчица могла допустить такое. И теперь, чтобы спасти себя, свой народ, свое будущее нам необходимо верить только в себя. Все в наших руках. И только. И точка.

ИЛСА. Но что мы можем сделать?

ЭРМА. В этой ситуации – ничего. Но мы должны готовить себя к тому, что, когда мы выйдем отсюда, на наши плечи ляжет очень тяжелая задача. Запомните – оспой страдают только люди. Повторите.

СЕЛМА, ИЛСА, ХЕНРИКЕ. Оспой страдают только люди.

ЭРМА. Еще.

СЕЛМА, ИЛСА, ХЕНРИКЕ. Оспой страдают только люди.

ЭРМА. Запомнили?

СЕЛМА, ИЛСА, ХЕНРИКЕ. Да. Оспой страдают только люди.

ЭРМА. Я верю в вас, как в себя. Благодарю вас.

СЕЛМА. Эрма, а ты не думала о том, что мы можем никогда отсюда не выйти?

ЭРМА. Мы выйдем. Потому что так же, как и в себя, так же, как и в вас, я верю в остальное человечество.

ИЛСА. Мне сейчас рожать захотелось еще сильнее.

СЕЛМА. Дайте ей цианистого калия.

ИЛСА. Действительно, почему бы нам не успокоиться, я так взбудоражена, я так взбудоражена.

ХЕНРИКЕ. Да, сегодня мы так много узнали о будущем.

СЕЛМА. Мы будем такими красивыми, такими счастливыми, мы будем порхать по земле, и своими мозолистыми руками восстанавливать города!

ИЛСА. Рожать детей!

ХЕНРИКЕ. Печь хлеб.

СЕЛМА. Это два существительных?

ХЕНРИКЕ. Какая разница? Главное символ!

СЕЛМА. Да, дом и уют!

ИЛСА. Дети и уют!

ХЕНРИКЕ. Хлеб и уют!

СЕЛМА. Уют!

ИЛСА. Уют!

ХЕНРИКЕ. Уют!

СЕЛМА, ИЛСА, ХЕНРИКЕ (*кружась*). Уют! Уют! Уют!

И радостный их крик стал похож на вой старых, поседевших собак, которых никогда не спускали с цепи. И в ночь, когда облака не скрывают собой полной луны, собаки видят в ней глаз Матери Волчицы, который подмигивает им раз в месяц, намекая, что все будет хорошо – однажды цепь лопнет, и каждая собака сможет свободно добежать к мягкой подстилке из облаков... Но о какой свободе можно говорить в бункере? В бункере 1,5x1,5x1,5! Четыре женщины не могут ощущать свободу в таком маленьком пространстве! И нет здесь никакой луны! Здесь нужно думать только о том, как бы дожить до того момента, когда двери бункера распахнутся, и ты сможешь сделать глоток свежего воздуха!

ЭРМА. Селма, Хенрике, Илса!

СЕЛМА. Не отвлекай нас, Эрма!

ХЕНРИКЕ. Так замечательно мечтать, Эрма!

ИЛСА. А я уже и не мечтаю, я уже живу новой жизнью, Эрма!

ЭРМА. Остановитесь! Нам нужно сделать еще много важных вещей, без которых наши мечты не сбудутся.

СЕЛМА (*остановившись*). А вот это плохо.

ХЕНРИКЕ (*остановившись*). Говори же, что нам нужно сделать?

ИЛСА (*кружась*). У меня голова кружится, и немного подташнивает. Я живу новой жизнью – я беременна.

ЭРМА (*останавливая Илсу*). В первую очередь нам нужно остановиться. Остановиться и решить очень важную вещь!

СЕЛМА. Что за вещь?

ЭРМА. В первую очередь успокойтесь. Держите.

Эрма протягивает сестрам ампулы с цианистым калием, они радостно раскусывают их, причмокивают, улыбаются.

ИЛСА. А почему ты не принимаешь цианистого калия?

ЭРМА. Я сделаю это позже, когда все закончится. Итак, что я вам хотела сказать... когда мы выйдем наружу, нам необходимо действовать сообща, действия наши должны быть четко продуманы и скоординированы.

ХЕНРИКЕ. Это правильно. Это ты хорошо придумала.

ЭРМА. Для того, чтобы поставленные нами задачи были выполнены, нам необходимо выбрать человека, который честно, неподкупно, преследуя только главную нашу цель, руководил и следил за исполнением возложенных на остальных обязанностей. Проще говоря, нам нужно выбрать рейхканцлера.

СЕЛМА. Значит, этот рейхканцлер будет только следить, и больше ничего?

ИЛСА. Разве это справедливо?

Эрма протягивает сестрам ампулы с цианистым калием, они радостно раскусывают их, причмокивают, улыбаются.

ЭРМА. Поймите, осуществление контроля – это тоже очень тяжелый труд. Но это не все! Он отвечает за суверенитет, национальную безопасность, территориальную целостность, политическую и экономическую стабильность, в общем, огромное количество функций, которые вряд ли вам интересны...

ИЛСА. Почему не интересны? Очень даже интересны, а вдруг, и я захочу стать этим рейхканцлером? Давай, рассказывай, что там дальше.

Эрма протягивает сестрам ампулы с цианистым калием, они радостно раскусывают их, причмокивают, улыбаются.

ЭРМА. Ну... он реализует основные направления внутренней и внешней политики...

ХЕНРИКЕ. Это не понятно.

ЭРМА. Подписывает законы, награждает государственными наградами, присваивает звания, представляет нас на международной арене...

ИЛСА. Мы в цирке что ли? Ерунда это все!

СЕЛМА. Ты можешь короче рассказать?

Пауза. Эрма протягивает сестрам ампулы с цианистым калием, они радостно раскусывают их, причмокивают, улыбаются.

ЭРМА. По большому счету... все...

СЕЛМА. Так от нас что требуется?

ЭРМА. Нам необходимо провести выборы. И я бы хотела выдвинуть свою кандидатуру, в порядке самовыдвижения, естественно, на пост рейхканцлера... на пост рейхканцлера нашего бункера.

ИЛСА. А если кто-то еще захочет выдвинуться?

ЭРМА. Баллотироваться.

ИЛСА. Ну, баллотироваться, какая разница.

ЭРМА. Это право каждого гражданина...

ХЕНРИКЕ. Я буду баллотироваться. И если я одержу сокрушительную победу, то обещаю, что в нашем бункере никогда не будут угнетаться ни какие меньшинства!

ЭРМА. Вы забегаєте немного вперед. Вы уже начали агитационные мероприятия для осуществления максимальной поддержки избирателей, предвыборную гонку, так сказать, а это не верно.

ИЛСА. Да ладно тебе, чего ты такая официальная?

ЭРМА. Хорошо. Наблюдателей среди нас нет, поэтому закроем на это глаза. Так иногда делается.

ИЛСА. Давайте уже голосовать. Спать хочется!

ЭРМА. Голосование предлагаю провести следующим образом: так как выборы должны проходить в закрытом формате, каждый из нас станет в угол, чтобы мы не видели его лица, и тихонечко произнесет имя понравившегося ему кандидата. Понятно?

СЕЛМА, ХЕНРИКЕ, ИЛСА. Да.

ЭРМА. Тогда приступаем.

Илса становится в угол.

ИЛСА. Свой голос... я так волнуюсь... это такой тяжелый выбор... я так не люблю разрываться, но что же поделать – это жизнь... свой голос я хочу отдать своей сестре, и просто хорошему человечку – Хенрике.

Селма становится в угол.

СЕЛМА. Сегодня я голосую за наше будущее! За процветание и стабильность! За сильный и развивающийся бункер! За Эрму!

Хенрике становится в угол.

ХЕНРИКЕ. Мой выбор очевиден – я голосую!..

ЭРМА. Вы не сказали за кого вы голосуете.

ХЕНРИКЕ. Неужели непонятно – за себя, конечно!

Эрма становится в угол.

ЭРМА. Свой голос я отдаю за свою кандидатуру. И так как у нас со вторым кандидатом равное количество голосов, я объявляю второй тур голосования.

ИЛСА. Что еще голосовать?

ЭРМА. Да, никто из кандидатов не набрал более 50% голосов. Поэтому необходим второй тур.

ХЕНРИКЕ. Ну, я опять за себя голосую, что тут сверхъестественного?

ЭРМА. В свою очередь, я объявляю, что свой голос отдаю за свою кандидатуру.

СЕЛМА. С нами в ногу маршируй, и за Эрму голосуй! Знает весь наш контингент – Эрма – лучший президент! Э – экстравагантная. ЭР – раскрепощенная. ЭМ – молодежная. А – амбициозная. ЭРМА!

ИЛСА. Короче, вы мне все надоели. Я на выборы не пойду!

ХЕНРИКЕ. Вот сука...

ЭРМА. Считается, что выборы состоялись, если в голосовании приняли участие более половины граждан, включенных в список избирателей. Явка на избирательных участках сегодня составила 75% населения. С перевесом в один голос победила я!

ИЛСА. Это все?

ЭРМА. Нет. Секундочку. (*скороговоркой*) Вступая в должность рейхканцлера нашего бункера, торжественно клянусь верно служить народу бункера, уважать и охранять права и свободы человека и гражданина, свято и добросовестно исполнять возложенные на меня высокие обязанности. Вот теперь все!

СЕЛМА. Поздравляю!

ХЕНРИКЕ. Всегда приятно соперничать с сильным конкурентом, хоть с результатами я и не согласна! А всех несогласных я приглашаю завтра, в 14:00 собраться в центре бункера на митинг против результатов голосования...

ЭРМА. Нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования влечет за собой... шучу, по случаю праздника объявляю об амнистии!

ИЛСА. Так давайте праздновать.

ЭРМА. Погодите. Мы вступили на новый виток развития нашего общества, и я, как рейхканцлер, считаю, что необходимо подвести некоторые итоги, и наметить перспективы нашего дальнейшего развития. Садитесь в углу.

Эрма протягивает сестрам ампулы с цианистым калием, они радостно раскусывают их, причмокивают, улыбаются, садятся. Эрма поправляет прическу, какое-то время готовится.

ЭРМА. Дорогие друзья! Граждане! Сочувствующие! Через несколько минут мы шагнем из настоящего в будущее. В минувшем году нам пришлось столкнуться с проблемами и принять вызов серьёзных испытаний. И в эти дни мы всегда становилась единой и сплочённой командой, за что хочу сказать вам сердечное спасибо.

В то же время мы многого добились в уходящем году: мы в чём-то стали лучше, богаче, добрее, но настойчиво отстаиваем свои интересы в международных делах. И поэтому сегодня мы, несмотря ни на что, искренне радуемся наступлению нового года, встречаем его с надеждой и мечтами о будущем.

Где бы мы ни были в эти минуты, атмосфера удивительной новогодней ночи согревает наши сердца. Мы с оптимизмом смотрим в будущее, искренне верим в лучшее, в удачу и успех. И каждый из нас понимает, что благополучие не приходит само по себе: оно достигается в результате напряжённого труда и личных свершений, в стремлении обязательно реализовать намеченное. Из этих достижений складывается судьба нашего бункера, где мы живём, который любим и который хотим видеть успешным и процветающим.

Эти чувства и устремления скрепляют наше единство. И только вместе мы сможем быть сильными, обеспечить движение вперёд, добиться исполнения наших общих планов и замыслов...

Эрма говорила еще очень долго, ведь ее не подгонял суетливый бег стрелок, речь ее была блистательна и честна, она чем-то напоминала речь Георга V, которую, в тридцать втором году прошлого века, ему написал великий британский поэт, лауреат Нобелевской премии Редьярд Киплинг. Она говорила красиво, можно сказать, самозабвенно, не забывая держать корпус в пол оборота, и незаметно сглатывать слюну в пересохшем от волнения горле. Говорила о прошлом, настоящем и будущем, говорила важные, необходимые населению слова, которые оно (население) ласково называет «водой». Говорила долго, до тех пор, пока сестры, убаюканные ее ласковым голосом, не уснули. Их не волновало прошлое, не трогало настоящее, они жили в своих снах, в которых было только будущее. Будущее крепкого процветающего бункера!

Сцена 5.

Тетрадь.

ЛЮДВИГ. Хотя я и бодрствовал всю сегодняшнюю ночь воспоминания о ней для меня, как кошмарный сон с критической температурой тела... Оберштурмбанфюрер Эрих Кемпка, личный водитель фюрера сбежал. Нагло, цинично, поджав хвост. Аргентина казалась мне лучшим решением проблемы... а на данную минуту оказалось, что у меня нет больше вариантов, как же навсегда спрятать этот ящик Пандоры от человечества.

Я не мог предположить, что фюрер может так далеко смотреть вперед. Четыре щенка являют собой четырех всадников апокалипсиса, одновременно являясь альбиносами, эти сучки несомненно смогут разжечь новый пожар всемирной войны, и обрушить на мир новую волну смертей, голода, болезней, страданий. Мир не сможет оправиться после очередного удара.

Все войны начинались из-за женщин. Женщин можно обвинить абсолютно во всем по одной простой причине – нарожали дураков, но их вина во многих войнах абсолютно бесспорна. Троянская война из-за прекрасной Елены и война Антония и Октавиана из-за влияния Клеопатры. Сабинские войны Рима из-за похищенных сабинянок, а также, войну Алой и Белой розы, спровоцированную женой короля Англии Генриха VI Маргаритой, междоусобные испанские войны из-за прав Изабеллы Кастильской на престол; войны Англии с одной стороны и Франции с Шотландией с другой из-за Марии Стюарт; революции и гражданские войны во Франции и России, отчасти вызванные недовольством и нелюбовью к Марии Антуанетте и супруге Николая II Александре Федоровне. Надо отметить, что с уходом рыцарского века и времен абсолютных монархий судьба отдельных женщин стала слишком мелкой причиной для ведения такого серьезного дела как война. Возможно, что это и правильно, ведь число женщин в мире неуклонно растет.

Мое тупиковое состояние подталкивает меня только к одному выходу. Я должен переложить этот груз на другие плечи. Сегодня я расскажу обо всем Мартину Борману, а сам последую за фюрером. У меня осталось две ампулы. Для меня, и...

Запись обрывается.

Бункер 1,5x1,5x1,5. Жарко. Постоянно хочется пить. Но, где в закрытом бункере можно достать хоть каплю воды? Нужно было думать раньше, а не выливать весь запас жизненно важной... Ай, что тут объяснять! И объяснять нечего! Бункер 1,5x1,5x1,5 и дуры! Дуры, у которых обеднение тела водой ведёт к ощущению жара и сухости в глотке, распространяющемуся на весь рот и губы. Слизистая оболочка их черствеет, грубеет, и может даже трескаться; слюна делается густой, клейкой, движения языка затрудняются, и он липнет к нёбу.

ХЕНРИКЕ. У меня язык онемел.

ИЛСА. Мне кажется, что я бы выпила сейчас целое море.

СЕЛМА. Море соленое. Я бы выпила озеро.

ИЛСА. Озеро слишком маленькое. Мне нужно больше воды.

ХЕНРИКЕ. А если их смешать, было бы много, и не так солено, как минералка.

СЕЛМА. В минералке пузырьки. Они так красиво шипят и лопаются...

ИЛСА. Мне кажется, я слышу, как лопаются пузырьки в минералке...

ЭРМА. Это лопаются мои губы.

ХЕНРИКЕ. Нет, это лопаются мои губы.

СЕЛМА. Не спорьте, мы сестры и все у нас должно быть одинаково.

ЭРМА. Если у рейхканцлера лопаются губы, то и у всего народа должны лопаться губы.

ИЛСА. Нет, если у народа лопаются губы, они должны лопаться и у рейхканцлера.

ЭРМА. Черт с вами. Ясно одно – народ должен обеспечить рейхканцлера водой, чтобы тот смог управлять государством.

ИЛСА. А почему это не рейхканцлер должен обеспечить народ водой, чтобы рейхканцлеру осталось кем управлять?

ХЕНРИКЕ. Замкнутый круг.

ИЛСА. Антиутопия...

СЕЛМА. Я бы хотела, чтобы меня сейчас кто-нибудь утопил... Как котенка...

ИЛСА. Ненавижу котят.

ЭРМА. Я бы согласилась пить воду из кошачьей миски.

ИЛСА. Ненавижу котят.

ХЕНРИКЕ. Я бы согласилась пить воду в которой топили котят.

ИЛСА. Ненавижу котят.

СЕЛМА. Илса, ты повторяешь одно и то же.

ИЛСА. Ненавижу котят. Как представляю, что где-то в мире перед миской наполненной водой, или молоком, сидит котенок и кривит свою поганую мордочку – меня аж передергивает. Ненавижу котят. А котят ненавидят воду! Все кошки ненавидят воду. Почему? Вода – это прекрасно!

СЕЛМА, ЭРМА, ХЕНРИКЕ (*мечтательно*). Да, вода – это прекрасно.

ИЛСА. Я сейчас всех ненавижу! И котят, и морских котиков, и морских коньков.

ХЕНРИКЕ. Коньки не имеют отношения к котикам.

ИЛСА. Плевать, зато они в воде, и я уверена, что они даже не осознают своего счастья. Я больше не выдержу. Мне нужен хотя бы глоток воды.

Илса достает из пакета бутылку с водой, пьет, убирает бутылку обратно в пакет.
Пауза.

ЭРМА. Это что сейчас было?

ИЛСА. Что?

ЭРМА. Что ты только что сделала?

ИЛСА. Что я сделала?

ЭРМА. Ты только что достала бутылку с водой и пила?

ИЛСА. А что по-твоему я должна умереть от жажды?

ЭРМА. Почему ты молчала, что у тебя есть вода?

ИЛСА. Я видела, что вы мучаетесь от жажды, и подумала, что должна вместе с вами переносить все тяготы. Но это уже перешло все рамки, я могла бы так умереть, поэтому я решила предать вас, и немного попить. Но предала я вас всего на несколько секунд, а теперь готова и дальше вместе с вами терпеть лишения. Я с вами, сестры. Неужели вы подумали, что я могу бросить вас, после всего того, что мы прошли вместе. Это несправедливо с вашей стороны. Жестоко. Я не ожидала от вас такого... не ожидала...

Пауза.

ХЕНРИКЕ. Вот сука...

Хенрике и Эрма бросаются на Илсу, и слабыми, обессиленными руками избивают ее. Илса вяло отбивается, и проигрывает схватку. Хенрике и Эрма разрывают пакет, и бой уже продолжается за бутылку. Эта драка напоминает битву ленивцев. Особо

любопытным можно посмотреть увлекательное видео под названием «Ленивец: Седьмой смертный грех» и узнать все о жизни этих интереснейших животных, пройдя по ссылке: <http://rutube.ru/video/f7f331fd44ae3f14419a592c388f24b8/>

В конце концов Хенрике и Эрма в изнеможении валятся на пол. Селма медленно подползает к бутылке, пытается открыть ее, но сил не хватает. Селма плачет.

СЕЛМА. Несправедливо! Как же все несправедливо. Жестоко. Больно, нестерпимо больно. Когда тебе кажется, что ты почти достиг цели – все рушится прямо у твоих ног.

ЭРМА. Не сдавайся, Селма, иначе мы все умрем!

ХЕНРИКЕ. Бейся до конца, иначе мы все погибнем!

ИЛСА. Ты мне руку отдала...

ЭРМА. Не сдавайся, Селма!

ХЕНРИКЕ. Бейся до конца... а если что – назови улицу нашим именем...

ЭРМА. Эрма...

ХЕНРИКЕ. Хенрике...

ИЛСА. И Илса...

ХЕНРИКЕ. Заткнись, сука... Борись, Селма...

ЭРМА. Или мы все погибнем...

Селма снова пытается открыть бутылку, и через какое-то время у нее получается. Она радостно пьет, потом поит Эрму и Хенрике.

СЕЛМА. Я смогла.

ЭРМА. Спасибо тебе, Селма.

СЕЛМА. Я выдержала.

ХЕНРИКЕ. Я горжусь тобой, Селма.

ЭРМА. А тебе, Илса, должно быть стыдно.

ИЛСА. За что?

ЭРМА. Ты развязала вражду между нами.

ХЕНРИКЕ. Можно сказать – развязала войну!

ЭРМА. Мы должны судить тебя!

ИЛСА. Погодите. Я бы хотела обратить внимание на другой факт. Вы заметили, что победу одержала сторона, которая не принимала активного участия практически все время конфликта?

СЕЛМА. Но я всех спасла!

ИЛСА. Ты сделала так, чтобы все думали, что ты всех спасла.

СЕЛМА. Нет, я не думала об этом.

ИЛСА. Конечно, а кто признается в своих грехах? Теперь ты будешь делать вид, что ты вся такая замечательная спасительница, а по правде – ты хитрая, двуличная, и коварная.

ЭРМА. Действительно, Селма, почему ты изначально не бросилась помогать мне?

ХЕНРИКЕ. Или мне.

ЭРМА. Она бы бросилась помогать мне.

ХЕНРИКЕ. Откуда ты знаешь?

ЭРМА. Это итак понятно – первой она напоила меня.

СЕЛМА. Я не понимаю вас, сестры, за что вы накинулись на меня, после того, как я спасла вас от смерти?

ИЛСА. Я же говорила, что она будет хвалиться только этим.

ХЕНРИКЕ. Да, ты была права.

ЭРМА. Определенно здесь было место коварному умыслу.

СЕЛМА. Разве я сделала что-то плохое? Илса просто манипулирует вами. Ведь наказание должна получить она, а не я. А вы, как глупые овечки обманулись ее словами...

ИЛСА. Она уже обзывается. Она назвала вас овцами.

ХЕНРИКЕ. И меня?

ИЛСА. Да.

СЕЛМА. Нет же, я только провела аллегория... несправедливо... мне плохо... я задыхаюсь... воздух, мне нужен воздух.

ИЛСА. Претворяется, сразу видно. Хочет, чтобы мы пожалели ее.

СЕЛМА. Пакет, дайте пакет... я задыхаюсь... мне нужен воздух...

ЭРМА. Мне кажется, ей действительно плохо.

ИЛСА. Нечего и говорить – актриска.

ХЕНРИКЕ. И все же она спасла нас. Может быть, и нам помочь ей?

ИЛСА. Нет, давайте посмотрим докуда она дойдет!

СЕЛМА. Воздух... воздух... мне нужен воздух... дайте мне пакет...

ИЛСА. Ах, коварная! Очень правдоподобно играет.

СЕЛМА. Я задыхаюсь, мне нужен воздух... дайте мне пакет...

ЭРМА. Кажется, у нее действительно приступ. Дайте ей пакет!

ХЕНРИКЕ. Дайте ей пакет!

ИЛСА (*передразнивая*). Дайте ей пакет! Вы порвали пакет!

ЭРМА. Мы порвали пакет?

ХЕНРИКЕ. Как порвали пакет?

СЕЛМА. Воздух... воздух... я задыхаюсь... пакет...

Селма падает без чувств. Пауза.

ИЛСА. А вот такого еще не было...

ХЕНРИКЕ. Да, действительно неожиданно...

ЭРМА. Что будем делать?

ИЛСА. Сейчас встанет! Когда поймет, что мы ей не верим...

ЭРМА. А если она умерла?

ИЛСА. Ну, и что, что умерла. В театре всегда так – умер, а на поклон все равно выходит. Это все актерское тщеславие. Вот увидите, сейчас встанет. Нужно подождать.

Пауза. Сестры ждут. Потом ждут еще немного. И еще. А что еще можно делать в закрытом бункере? Конечно ждать! Вот они и ждут! Долго ждут. В какой-то момент им надоедает ждать, но они все равно ждут, ведь больше им ничего не остается. Так они ждут еще какое-то время. Илса начинает медленно аплодировать.

ИЛСА. Давайте, аплодируйте, она услышит аплодисменты и встанет кланяться.

Эрма и Хенрике начинают аплодировать. Илса, Эрма и Хенрике долго аплодируют. В какой-то момент им надоедает аплодировать, но Илса знаком показывает, что останавливаться нельзя, и они продолжают. Так они аплодируют еще какое-то время. И еще. И еще немного. Потом они аплодируют и говорят.

ИЛСА (*смущенно*). Может, действительно сдохла?

ЭРМА. Ты хотела сказать умерла.

ИЛСА. Да. Может, действительно умерла?

ХЕНРИКЕ. Не исключено. Есть на то все подозрения.

ЭРМА. Как ты думаешь, Илса, ты могла ошибиться?

ИЛСА. Как сказала бы Хенрике – не исключено.
ХЕНРИКЕ. Да, есть на то все подозрения.
ЭРМА. Я обескуражена...
ХЕНРИКЕ. Не ты одна, Эрма, не ты одна...
ИЛСА. Да, странное чувство...
ЭРМА. Может быть, нам стоит хотя бы прекратить аплодировать?
ИЛСА. Я даже не знаю...
ХЕНРИКЕ. Да, я тоже впервые попадаю в такую ситуацию.
ИЛСА. Нелепица какая-то.
ХЕНРИКЕ. И не говори, Илса.
ЭРМА. Давайте прекратим.
ХЕНРИКЕ. Согласна.
ИЛСА. Поддерживаю. На раз-два-три.
ЭРМА, ХЕНРИКЕ, ИЛСА. Раз! Два! Три!

Эрма, Хенрике и Илса прекращают аплодировать. Пауза.

ЭРМА. Что будем делать дальше?
ИЛСА. Видимо нам нужно ее похоронить.
ХЕНРИКЕ. Уверена?
ИЛСА. Да, так делают.
ХЕНРИКЕ. Уверена?
ИЛСА. Я не знаю! Я впервые в такой ситуации!
ЭРМА. Ну, хоронить – так хоронить...

Пауза.

ЭРМА. И как это делается?
ИЛСА. Кажется, ее нужно красиво положить.

Эрма, Хенрике и Илса, насколько это возможно в бункере 1,5x1,5x1,5, красиво укладывают Селму. Пауза.

ЭРМА. Кажется, красиво.
ИЛСА. Вполне.
ХЕНРИКЕ. Да, достаточно красиво.
ЭРМА. Что дальше?
ХЕНРИКЕ. Теперь нужно закрыть ей глаза.
ИЛСА. Говорю сразу – я боюсь.
ЭРМА. Хорошо – это сделаю я.

Эрма нерешительно опускается к лицу Селмы. Хочет закрыть ей глаза, но не может перебороть страх.

ЭРМА. Давайте примем цианистого калия, у меня руки дрожат.
ХЕНРИКЕ. Да, действительно, нам нужно успокоиться.
ИЛСА. Можно мне двойную дозу?
ЭРМА. Думаю, что всем нам не повредит двойная доза.

Эрма раздает капсулы. Сестры молча раскусывают их. Эрма быстро приседает на корточки, резко, в одно движение закрывает Селме глаза, отскакивает назад. Пауза.

ИЛСА. Кажется, левый плохо закрыла.

ХЕНРИКЕ. Определенно.

ЭРМА. Я больше этого делать не буду...

ИЛСА. Может, и так сойдет?

ЭРМА. Она на меня смотрит.

ХЕНРИКЕ. Нет, на меня.

ИЛСА. Просто не смотрите на нее!

Пауза.

ЭРМА. Что дальше?

ХЕНРИКЕ. Теперь ее нужно отпеть.

Хенрике начинает протяжно петь, Эрма и Илса подхватывают.

Die young, stay pretty

Die young, stay pretty

ЭРМА. Она на меня смотрит...

ИЛСА. А ты не смотри на нее.

Die young, stay pretty

Die young, stay pretty

ЭРМА. Я не могу не смотреть. Я же пою ей.

ХЕНРИКЕ. Пой в закрытый глаз.

Deteriorate in your own time (Deteriorate in your own time)

Tell 'em you're dead and wither away

ЭРМА. Хенрике, ты должна закрыть ей глаз.

ХЕНРИКЕ. Почему я?

ЭРМА. Больше никому.

ХЕНРИКЕ. Я пою. Ты меня отвлекаешь.

Are you living alone or with your family?

A dried up twig on your family tree?

ЭРМА. Это невыносимо. Невыносимо. Она смотрит.

ИЛСА. Попробуй отвлечься.

ЭРМА. Как?

ИЛСА. Представь, что у нее день рождения.

ЭРМА. Но она умерла!

ХЕНРИКЕ. Судьба – злодейка! Умерла в день своего рождения...

Are you waiting for the reaper to arrive?

Or just to die by the hand of love?

ЭРМА. Я больше не выдержу. Илса, пой громче, а ты, Хенрике, держи меня за руку. Я постараюсь закрыть ей глаз.

*Love for youth, love for youth
So, die young and stay pretty
Leave only the best behind
Slipping sensibilities
Tragedy in your own dream, oh.*

Илса поет громче. Хенрике берет за руку Эрму, та тянется к лицу Селмы, но рука выскользывает, и Эрма, не удержав равновесия, падает на Селму. Селма вскрикивает. Эрма, Хенрике и Илса тоже вскрикивают, вскакивают, бьются головой о потолок, еще раз вскрикивают, толи от шока, толи от удара теряют сознание, падают на Селму. Селма вскрикивает, теряет сознание.

Чтобы понять, что же произошло, нужно просмотреть этот эпизод в замедленном повторе. Итак, Илса поет громче.

ИЛСА. LEAVE ONLY THE BEST BEHIND
SLIPPING SENSIBILITIES
TRAGEDY IN YOUR OWN DREAM, OH.

Хенрике медленно берет за руку Эрму, та медленно тянется к лицу Селмы, но рука, медленно выскользывает, и Эрма, не удержав равновесия, медленно падает на Селму. Селма медленно вскрикивает. Эрма, Хенрике и Илса тоже медленно вскрикивают, медленно вскакивают, медленно бьются головой о потолок, еще раз медленно вскрикивают, и толи от шока, толи от удара медленно теряют сознание. Эрма, Хенрике и Илса медленно падают на Селму. Селма медленно вскрикивает, и теряет сознание. В бункере 1,5x1,5x1,5 воцаряется мертвая тишина.

Сцена 6.

Тетрадь.

ЛЮДВИГ. Я смалодушничал. Оказался не готов. Сначала я побоялся раскусить ампулу, потом нажать на курок своего «Вальтера». С каждой секундой мне все больше и больше хочется жить. Людвиг, жизнь дается не просто так, и возможно, что ради сохранения этой страшной тайны мне и необходимо жить? Унести тайну с собой в могилу я не могу – Борман знает все подробности. Он рассмеялся мне в лицо, когда я рассказал ему все что знаю о щенках, и пророческих словах фюрера. Более всего его рассмешила идея с Аргентиной, так как он не верит, что кто-то сможет добраться до ее берегов. Он смеялся широко, открыв рот, в голос, как смеются пьяные солдаты, увидев оголенные ляжки разносчицы в мюнхенском биргартене. Но меня насторожил огонек, сверкнувший в его глазах. Мысль о спасении Рейха. Мысль о спасении Рейха! Да, уверен, что увидел именно это в его глазах. Потом, он предложил вкалывать кровь этих щенков солдатам Вермахта, снова рассмеялся и ударил меня по плечу. Но огонь в его глазах не погас. Все это нужно остановить, прекратить, покончить с этим раз и навсегда!

Запись заканчивается жирным восклицательным знаком.

Бункер 1,5x1,5x1,5. Жарко. Душно. День или ночь? День... ночь... нет, день и лунный свет. Ночь и лунный свет! Какой лунный свет? Это бункер! Железобетонный бункер 1,5x1,5x1,5, здесь не может быть лунного света, только если... дверь... Дверь железобетонного бункера открыта. Эрма, Селма, Хенрике и Илса лежат на полу, их тела мягко укрывает лунный свет.

ЭРМА (*сквозь сон*). Я бегу! Слышишь, я бегу к тебе. Еще немного, и мы будем вместе. Подмигни мне еще раз, мать Волчица. Еще пару прыжков, и я уткнусь в твоё теплое брюхо...

СЕЛМА (*сквозь сон*). Неужели эти поля мне? Правда? Я могу лежать в них? И я могу обнимать эти цветы? А эти сады тоже мне? Это потрясающе! И я могу обнять каждое дерево? Миндалевый сад так красив, я хочу, чтобы он цвел всегда! Неправда, ты меня разыгрываешь, я не верю, что он будет цвести всегда!..

ХЕНРИКЕ (*сквозь сон*). Теперь я свободна?.. Какое же это странное чувство... я не знаю, как описать его... как правильно составить звуки так, чтобы они рассказали вам, что такое быть свободной... Вы уже знаете?.. Тогда, нам нужно рассказать об этом чувстве всем, каждому, не пропустив ни одного...

ИЛСА (*сквозь сон*). Мне так спокойно среди вас! Я люблю вас! Вы все мои, а я – ваша. И мы вместе. Ведь мы никогда не расстанемся, а? Я не собираюсь расставаться с вами, а вы? Нет, не кивайте головой, пообещайте это вслух. Пообещайте, пообещайте... Я так рада слышать это! Я тоже никогда не оставлю вас, мои дорогие Суки, дайте я обниму вас... Ой, на меня что-то капнуло... на меня снова что-то капнуло! (*просыпаясь*) Мне снилось, что я умерла, и это принесло мне такое успокоение.

СЕЛМА (*просыпаясь*). А мне снилось, что я умерла, и это принесло мне такое счастье.

ЭРМА (*просыпаясь*). Я обрела благодать и кротость. Я обрела смирение...

ХЕНРИКЕ (*просыпаясь*). Зачем так орать, может быть, после смерти человек первый раз в жизни стал свободным, а тут эти крики...

ИЛСА. Ты опять капнула на меня, Селма.

СЕЛМА. Прости, но это было так замечательно! Счастье – это...

ХЕНРИКЕ. Мы не умерли? Мы что не умерли? Как это мы не умерли?

ЭРМА. Последнее, что я помню... Умерла Селма...

ИЛСА. А потом она ожила.

ХЕНРИКЕ. И умерли мы.

ЭРМА. А теперь мы снова ожили...

ХЕНРИКЕ. Значит – Селма должна умереть. Логика.

СЕЛМА. Нет, к сожалению, мы все живы.

Пауза.

ЭРМА. Зато, теперь я знаю, чего хочу.

СЕЛМА. Да. Это так замечательно!

ИЛСА. Действительно, Эрма, как же ты права! Теперь мы знаем! Дайте, я обниму вас!

ХЕНРИКЕ. Я тоже хочу обнять вас.

Хенрике, Илса, Селма и Эрма обнимаются. Их радостный смех звонко льется в ночной тишине, ведь дверь чертового бункера открыта. Неожиданно Селма вырывается из объятий, и забивается в угол смотря «сквозь» сестер.

СЕЛМА. Дверь...

Хенрике, Илса и Эрма замирают стоя к двери спиной.

ЭРМА. Дверь?

СЕЛМА. Да. Дверь.

ИЛСА. Просто дверь, и все?

СЕЛМА. Нет. Дверь... Открыта... теперь все...

Хенрике, Илса и Эрма медленно разворачиваются к двери. Какое-то время смотрят в дверной проем, затем снова разворачиваются к Селме.

ЭРМА. Там светит глаз матери Волчицы?

СЕЛМА. Да.

ХЕНРИКЕ. И там свобода?

СЕЛМА. Не знаю, отсюда не очень видно.

ИЛСА. Нас там ждут?

СЕЛМА. Нельзя точно сказать. Там темно.

ИЛСА. Нет, скажи, что нас там ждут. Скажи, что мы не одиноки.

Пауза.

СЕЛМА. Я не могу...

ЭРМА. Мы ждали, мы дождались, и теперь мы должны пойти туда.

ХЕНРИКЕ. И теперь, почему-то стало страшно...

ЭРМА. Нет. Идемте.

Эрма разворачивается и медленно выходит. Илса берет за руку Хенрике, и они тоже выходят. Селма встает, делает несколько шагов, останавливается в дверном проеме, оглядывается, смотрит в отражение зеркала, прихорашивается, выходит.

ИЛСА. Здесь стало так темно.

ХЕНРИКЕ. Облака скрыли глаз матери Волчицы.

ЭРМА. Это не облака. Дым.

СЕЛМА. А где же миндалевый сад? Я хочу вдохнуть аромат цветов, а тут пахнет только паленой шкурой.

ИЛСА. Да, только запах гари и паленой шкуры.

ЭРМА. Погодите. Вы слышите, какая тишина вокруг?.. Мать Волчица уснула.

СЕЛМА. Мать Волчица уснула...

ИЛСА. Мать Волчица уснула...

ХЕНРИКЕ. Мать Волчица уснула...

Пауза.

ХЕНРИКЕ. А что теперь с нами... мы теперь свободны?

ЭРМА. Нет. Теперь нам всю жизнь будет хотеться чтобы это произошло с нами снова. Пока дверь была закрыта, пока мы ждали у нас была... а теперь?.. Нет ничего – ни благодати, ни счастья, ни свободы... теперь ничего нет...

Сестры медленно оглядываются по сторонам. Хенрике делает несколько шагов вперед, но в нерешительности останавливается, оставаясь стоять на одной ноге. Илса приседает на корточки, обхватывает голову руками, издает какой-то непонятный стон и валится на землю. Селма начинает жадно хватать воздух ртом, но по выражению ее лица, мы понимаем, что она не задыхается, она хочет что-то ощутить во время этих вдохов. Сильно вдохнув еще раз, даже немного привстав на цыпочки она замирает. Эрма опустив руки стоит, взглядывая куда-то в даль, она даже не моргает, кажется, что она окаменела.

Через какое-то время Селма громко выдыхает, оглядывается, подходит к Илсе, опускается перед ней на колени, обнимает ее.

Хенрике опускает ногу на землю, но через какое-то время снова поднимает ее. Оборачивается. Допрыгав на одной ноге к Селме и Илсе, садится рядом.

Эрма подходит к сестрам, присаживается рядом с ними, и поочередно беря в руки их головы, большими пальцами вытирает им слезы. Все вместе они смотрят друг на друга, улыбаются, но в этих улыбках виден только страх.

Эрма, Селма, Хенрике и Илса встают, заходят в бункер, медленно закрывают за собой дверь, садятся на пол. Эрма молча раздает всем капсулы с цианистым калием, они одновременно раскусывают их, долго смотрят куда-то сквозь стену.

Тетрадь.

ЛЮДВИГ. Почти на самом рассвете я вышел из бункера, аккуратно перевернул коробку, открыл ее, и отошел в сторону. Щенки, медленно, с опаской вылезли из нее и на секунду остановились. Что-то пища на своем собачьем языке, побродили вокруг коробки, а потом... не знаю, как это объяснить... они вместе повернулись туда, где восходило солнце, прижались друг к другу, еще несколько секунд смотрели на восходящее солнце, а потом медленно побрели в свою обитель.

Ожидание страшнее физической боли. Ожидание страшнее физической боли, Людвиг. Всю свою жизнь человек живет и ждет, что в какой-то момент он обязательно поймет свое предназначение, а пока, он остается лишь биохимической субстанцией, которую изнутри поедает неясное, но сладостное ожидание некоего просветления, если так хочешь, Людвиг. Ожидание страшнее физической боли, и всю свою жизнь человек ждет этого момента открытия самого себя. Но пока он не знает ответа, он просто остается человеком, так же, как и щенки, не зная своего предназначения никогда не поймут какую роль они должны сыграть для человечества, а останутся лишь щенками.

Я решил оставить коробку у развалин рейхканцелярии. Уверен, что кто-нибудь позаботится о них, увидев в их черных глазах лишь щенячью преданность. Теперь, мне только осталось погасить огонь в глазах Бормана.

Запись сделана ровным уверенным почерком. Больше записей в тетради нет.

7-8 декабря 1972 года во время прокладки подземного кабеля в районе Лертского вокзала (сегодня Центральный вокзал) рабочие обнаружили останки, впоследствии предварительно идентифицированные как останки Людвиг Штумпфеггера и Мартина Бормана. Между зубами скелетов были найдены осколки стеклянных ампул с цианистым калием. 11 апреля 1973 года западногерманская прокуратура официально подтвердила, что Борман погиб в мае 1945 года. Однако сомнения оставались. Неоднократно появлялись сообщения о Бормане в Латинской Америке, «охотники за нацистами» продолжали рассматривать возможность его поимки. Лишь в 1998 году экспертиза окончательно удостоверилась, что найденные в Берлине останки действительно принадлежат Борману. Его сын — Мартин Борман-младший — согласился предоставить свою кровь для проведения ДНК-анализа останков.

Gott schütze die Wikipedia/Боже, храни Википедию.

Конец.

В пьесе использована композиция группы Blondie «Die young, stay pretty», а также материалы из свободных источников интернета.

Минск, апрель-июнь 2015г.

Д. Богославский
Dm.bgslysk@gmail.com
+375 29 572 79 19